

«Собственноручное изучение детей», или «Сочетание практического работника с научным поиском»

Тема статьи, которую мы вам предлагаем, неоднократно поднималась на страницах «Народного образования» (см. публикации «Наука не терпит приблизительности» в № 6 2000 г., «Ода здравому смыслу, или Социальная опасность словоблудия» в № 8 за 2003 год, «Горе от ума» в № 1 за 2005 год). Но, к сожалению, острота темы не снижается и поток безграмотных диссертационных исследований не иссякает, продолжая дискредитировать педагогическую науку, статус учёного, вводить в заблуждение учителей, которые могут принять наукообразное словоблудие за науку.

Александр Мурашов,
профессор, доктор педагогических наук

Сегодня идёт новый этап реформы образования, отмеченный борьбой за его качество. Кому дано право оценивать это качество? Читая научные статьи и монографии, понимаешь: особенность «научного осмысления» реформы — языковой беспредел, коим характеризуются и высокомудрые работы нынешних Сократов и Коменских, и диссертации только-только вступающих в науку. Качество образования — понятие однозначно необходимое; но о нём важно говорить по-русски, если и «судьи», и создаваемые ими труды — устные и письменные, большие и малые, претендуют на то, чтобы считаться русскоязычными учёными.

Дама-педагог, опубликовавшая в разных изданиях десяток научных работ, защищает диссертацию, где с некоторой долей учёной снисходительности напоминает о высоком предназначении современной школы: «Её исходной, самой главной

задачей является организация потенциально возможного набора деятельностей, предоставляемых ученикам для их творческой успешной самореализации, обеспечивающей благодаря проживаемой успешности в достижении высокой результативности формирования адекватной самооценки и вытекающей из неё оптимистичного отношения к жизни». Всё ясно? А что непонятно, — то не для средних умов, ибо будущий кандидат наук пишет автореферат «с позиции концепции философии образования»...

Может, это и не безграмотность вовсе, а специфический язык? Бывают же педагоги, с маниакальным упорством ставящие дефис вопреки всем правилам и нормам: «лично-ориентированный», «социально-ориентированный», даже «знаниево-ориентированный». Почему бы такую «нетрадиционную ориентацию» не закрепить всеобщим признанием права и на собственный язык? Никто не понимает? Тем лучше: и «позиции концепции» пройдут, и о «предоставляемой возможности каждому ученику возможности проявить себя» можно говорить, не боясь заработать «двойку». А если серьёзно, то, говоря словами той же дамы — теперь уже защитившегося кандидата педагогических наук, «реализуется возможность планового осуществления процесса социализации личности каждого», что особенно важно при «сочетании практического работника с научным поиском» (это уже из другого реферата) — то швабры с мотоциклом, а «научно-педагогического языка» — с русским. Но как быть, если учёные-педагоги и прежде всего — начинающие, защищающиеся, стремятся к «развитию различных взаимосвязанных умений мотивационного компонента профессионального самосознания личности»? Нужен, как минимум, мастер, наставник. Он явился — его тут же «проанализировали» и «защитили» идеи «по педагогической поддержке ребёнка как важнейшего фактора успешности школьника».

Язык науки — обострённое воплощение того состояния, в котором находится язык нации, точнее — его речевая реализация в устах и под пером современников. И когда выпускник вуза на пути к кандидатской степени видит не знания ребят, а «знаниево-ориентированные технологии» (а чем иным является ре-

флексия?), когда он не думает, а «рефлексирует», причём непременно — с «самооценкой своих поступков», как следует из автореферата, а по дороге из дома в школу он «претерпевал путь» к «большому массиву школьников», — кандидатом он станет точно, ведь главное условие этого — перестать говорить по-русски, а плести пустые словесные конструкции, — он уже выполнил.

Не будем обманываться: нет ни «педагогического» языка, ни «исследовательского», ни «диссертационного», в задачи которого входило бы «проинтерпретировать», «отрефлексировать», «простроить» разного рода «компонентные» и «здоровьесберегающие» позиции, которые «для понта» предстанут «парадигмальными деятельностями». Есть — русский язык, о существовании которого ретивые научные руководители соискателей всё больше забывают, навязывая своим «продолжателям» нетрадиционные языковые ориентации, вроде «своей самооценки» или «знаниевых компонентов», где грубое искажение рода, числа, сочетаемости слов выдаётся за педагогический бренд, по сути являющимся бредом.

Ульяновские чиновники писали диктант. Русского языка, в чём никто не сомневался, они не знают, зато победа губернатора в выборах (в ней тоже никто не сомневался) заставила взглянуть на знание языка как на одну из приоритетных имиджевых характеристик. Жалкий вид российской команды на белорусско-российской олимпиаде школьников (2006 г.), где с одной-единственной историей были сопоставлены сразу русский язык, русская литература и риторика, тоже русская, — настраивает на серьёзный лад в отношении ульяновских чиновников: «Я русский бы выучил...» Только — зачем? Если можно «отрефлексировать» «компетентностно-ориентированные технологии», — надо ли вспоминать о сермяжных «путях расширения

знаний»)? Тем более когда «технологии» — «с позиции концепции философии», «фило-совски обоснована».

Между тем педагог — тот, кто знает и любит своё дело, в то время как *«результат эмпирического исследования динамики изменения личности»* ни к реальной педагогике, как основе цивилизации, ни к русскому языку как к фундаменту национальной культуры, отношения не имеет. Или нынешний педагог — тот, кого просто не взяли ни в математики, ни в бизнесмены, а научный коммунизм преподавать теперь уже негде?..

Студент, в третий раз пытающийся сдать зачёт по русскому языку, преисполнен боевого духа — как малыш с рекламы «Пепси», закованный и заваренный в латы легионера:

— Некогда мне зачёты ваши сдавать: работа ждать не будет!

Преподавателю остаётся втянуть голову в плечи с признанием абсолютной правоты студюозуса — либо разразиться дидактической сентенцией, в духе цитированных «молодых исследователей», чтобы не оставляла никаких сомнений в том, что у юнца извилины задымятся.

«...Несмотря на то, что для студентов является актуальным поиск перспектив реализации творческого потенциала, самостоятельное решение профессиональных задач и достижение успеха, они испытывают потребность в развитии различных взаимосвязанных умений мотивационного компонента профессионального самосознания личности». Круто, а? Такое нарочно не придумаешь, даже когда научный руководитель — гений. Можно гарантировать: после такой тирады, да ещё произнесённой с «педагогическим» выражением лица, самый ретивый окосеет и отправится учить русский язык — ведь он своими глазами видел и своими ушами слышал, что может случиться с теми, кто в школе его не учил!

Кандидатом, доктором, светилом каких наук можно стать, если не освоил языка, на котором эта наука являет себя миру? В педагогике — передел. В речи педагогов — беспредел. Между ними — знак равенства?

Русский язык — основа духовности и культуры народа, фундамент личности и государства. И это звучало многократно, только... вход в институт, где это звучало, осуществляется, как это сообщают огромные буквы на двери, *«по предъявлению Ю студенческого билета»*, а в приёмной ректора на самом видном месте — папка *«ДоговорА»*, и не надо думать с надеждой, будто это родительный падеж!

В учебнике по русскому языку асимметрия названа *«ассиметрией»*, а на упаковке компакт-диска выведена фамилия актера, в честь которого этот диск вышел: Филипов. Полное небрежение нормами русского языка в педагогическом наставлении: *«Бумага клеится к картону, и Дед Мороз вешается на ёлку»* — ничто в сравнении, например, с названием московского отеля «Балчуг», *«апартаментами полу люкс»*.

Читаем в выразительном объявлении: *«Приподаю английский язык»*. Кстати, он, английский, — тоже по-своему правдивый и свободный, но этого не поймёт тот, кто старательно выводит юридическое название своей фирмы на рулоне сделанной этой фирмой туалетной бумаги: *«ООО «Эй Си Эй Хайджик Продактс Раиша»*. Не знает он языка, ни русского, ни английского! Радует, что не педагоги делают туалетную бумагу... На каком языке мы говорим и пишем? На каком думаем?

Наши учёные-собратья уже не удивляют нас *«результатами анкетирования, осуществляемыми кафедрой»*, или *«слабым контролем студентов»* (это кто кого контролирует?), тем более — *«помещением на доску почёта обучающегося»!*..

Из докторской диссертации: «Три выигранных карты просит он назвать старуху». — Диссертант, у которого эта фраза была одной из наиболее логичных, откровенно обижен тем, что ему предложили перевести текст на русский язык...

И кого винить в том, что мы так говорим и так пишем, что наши дети, повторяя заученные слова о великом и могучем языке, бегут туда, где «Эй Си Эй», где «продактс», а всё остальное — кратко, как гвоздь кулаком вбить, — «Раша»? Диссертацию, где «чувство неотвратимости жизненного успеха» соседствует с «несравнимой ценностью», а «своя самооценка» переходит в «вариант понимания вариативности», всё равно защитят. Как и эти, в которых: «Деятельность является определяющим фактором, а возникающие отношения следствием, оказываемого оценкой влияния»; «Специфика содержания изменений личности студентов соотносится с параметрами идеальных образов студентов»; «В дальнейшем XIX — начало XX веков вариативность ещё интенсивнее определяла развитие отечественного образования». (Пунктуация, как и всё остальное, вновь соответствуют оригиналу, оставляемому без комментариев.)

«Полученные характеристики данной группы интегрированы так же показателем рефлексивности... Последние являются определяющим фактором... Теоретическая значимость состоит в проведении системного анализа психологического феномена карьерных ориентаций... Обуславливаемая степень выраженности... Неосознаваемое им самим воздействие... С качественным улучшением жизни человека не только в материальном отношении, но и в улучшении его духовного мироощущения, нравственного возрождения... А так же... Интегрированы также показатели рефлексивности... Студентов, неосознающих карьерную ориентацию...» — всё это не бред большого афазией, а заодно — дисаграфией. Это — выдержки из авторефератов вполне благополучно защищённых педагогических работ. Исследовательских, научных! Причём диссертанты твёрдо убеждены, что говорить (и писать) следует именно так, они изо всех сил пытаются следовать некоему идеалу. Следовать. Подражать. Не догадываясь, что

это — нетрадиционная языковая ориентация, а в нынешней системе ценностей — языковой беспредел в педагогической науке, который пытаются маскировать под реформы с их вариативностью, диверсификацией, креативностью, личностной ориентированностью. Всё это не так уж плохо, но почему школьные *порывы*, в том числе вариативные и креативные, сменились *нарывами*, а *прорывы* — *надрывами*, отбросив Россию по уровню образования с третьей позиции в мире на двадцать шестую? Почему «качество образования неуклонно снижается»? Дело, очевидно, в том, что педагоги, с завидной настойчивостью игнорирующие языковые нормы, относятся таким же образом и ко всем остальным, а кандидат педагогических наук и творец, и результат творящегося беспредела. И всё же — он лишь «подражает». А поскольку «частое подражание становится собственным нравом» (Квинтилиан), — не так уж беспочвенны опасения, что трещина между русским языком и научно-педагогическим у цитированных авторов будет становиться всё более широкой и глубокой, принимая очертания непреодолимой пропасти, — как у их опытных коллег, до сих пор с высоколобым упорством твердящих о «самооценке себя», «компетентностных паттернах», «знаниево-ориентированных технологиях», — твердящих в попытке преодолеть собственную профессиональную несостоятельность и «обуславливающих» всё это «с позиции концепции»...

Сегодня уже можно говорить о тех бомбовых ударах, которые «научно-педагогический» беспредел наносит русскому языку, как и о насилии, которому подвергаются начинающие учёные-педагоги: для них «школа молодого бойца» означает пребывание в роли пилотов этих бомбардировщиков. А ведь они умели говорить! И писать. И строить фразы, иногда — тексты. Но над ними совершили надругательство: чтобы утвердить непогрешимость «мэтра»,

их заставили забыть русский язык и заговорить «научно-педагогическим». Отсюда — «компонента», исчезнувшая из словарей десятки лет назад, и «обуславливать» вместо категоричного нормативного «обусловливать», и разного рода словообразовательные новации вроде «компетентностный», «лично-относительно-центрированный», «отрефлектировать», «проинтерпретировать», прочие педагогизмы, которых не было, нет и не будет в словарях.

Стало своего рода традицией: корректоры в издательствах, получая рукописи учёных-педагогов, запасаются авторучками — из расчёта одна ручка на страницу, — а педагогическая учёная степень воспринимается как сигнал о полной профессиональной (в нашем случае — языковой) несостоятельности. Неприятно, конечно. Но стоит педагогу произнести несколько слов «с позиции концепции», как в его устной речи — «движение к построению отвечающего вызовам времени», а на письме — отношение к знакам препинания, как к самому хитрому препятствию на пути к научной карьере. И — степень готова: «соответствует требованиям» и «заслуживает присуждения». С позиции концепции, конечно...

А русский язык живёт — невзирая на все позиции и все концепции. Он сопротивляется «лично-ориентированным» и «знаниевым» бомбовым ударам «гуманитаризаторов», считающих себя педагогами потому, что могут как следует «отрефлектировать» и «проинтерпретировать». Живёт — но сопротивляется всё слабее, утопая в волнах педагогизмов как средства профессиональной самоидентификации тех, кто твердит: «учитель должен», «школа обязана», — не видя, не зная ни того, ни другого...

Кандидат педагогических наук сообщает в своей статье: «По мнению В. Аякунина, это связано с представлением о некотором «закостенении» психической организации в старшем возрасте и, следовательно, в отсуствии динамики в психическом разви-

тии». Но автор вовсе не «в старшем возрасте», просто язык у него такой — чтобы прочесть и сразу понять: это кандидат наук! И не каких-нибудь, а педагогических! Другой ораторствует по поводу трёх ориентаций студентов: одних привлекает стабильность, других — независимость, третьих... — менеджмент! Ситуация — «вечер с музыкой, а пироги — с ботвиньей», она же — «в огороде бузина, а в Киеве — дядька» являет собой классическую структуру силлепсиса — внелогичного совмещения понятий и признаков разных родов и рядов. Из той же области — уже цитированное «сочетание практического работника с научным поиском», отсюда же — «когнитивная и российская педагогика». Весь вопрос в том, почему заведомый языковой беспредел всё чаще проходит под вывесками педагогических докладов, статей и диссертаций, утверждающих безграмотность как норму? Беспредел, ибо педагог — не тот, кто «с позиции концепции», щедро приправленной ошибками и алогизмами, а тот, кто учит и учится сам. Беспредел, — ибо уводит от норм и традиций русского языка, позволяя с умным видом утверждать несуществующие слова и неправильные написания.

«Раскрыты скрытые возможности... А так же отсутствие ориентации... На первом курсе, также, как в экспериментальной группе... Проводились наше исследование...» На месте институтов и университетов — ВУЗ, Вуз и просто вуз. — Когда все три варианта мирно размещаются в одной статье, — становится ясно, что это авторский способ кодирования разных вещей, омонимически совпадающих в одном слове. Но русский ЯЗЫК, Язык и просто язык — **не экспериментальная площадка, а средство национальной безопасности.** Нельзя с ним так безответственно обращаться!

Вот уже не просто фраза, а название целой главы: «*Результаты эмпирического исследования динамики изменения личности студентов в условиях развивающей среды*»...

Для учёного, проводящего исследование «проблемы развития личности студента», целью «психолого-педагогического сопровождения социально-профессионального воспитания» оказываются вообще такие вещи, названия которых можно выговорить лишь с третьего раза, и то если принёс немалый доход винному отделу: торговцы доплачивать должны за такой язык!

Мышенков — герой рассказов Виктора Ардова — произносит со значительным видом накануне юбилея одного из сотрудников: «На сегодняшний день у нас имеется полная договорённость с рестораном Мостропа номер семнадцать в отношении юбилейного банкета. Имеется только недоговорённость в отношении салата. Поскольку на сегодняшний день в отношении салата паяр цена стоит на один рубль дороже, чем на салат оливье, поскольку она лимитируется ценой на консервированные крабы...» (Ардов В. Как написано // Советский юмористический рассказ 20—30-х годов. М.: Правда, 1987).

За строчками нынешних педагогических книг и статей угадываются подчас такие же Мышенковы, с их стремлением непременно делать доклад — даже «в отношении салата». «Нам представляется весьма актуальным...», «Следует отметить, что данная структурная характеристика...».

Вспоминаю собственную студенческую юность. Группа подготовилась к занятию, но что-то не получалось: студенты сбивались, преподаватель морщился, как от зубной боли. И вот время расплаты наступило для студентки со среднего ряда, о которой знали только то, что она не готовилась. Совсем.

— Необходимо отметить, — прозвучал уверенный, хоть и с истерическими нотками, голос, — что данная концепция весьма показательна... — Преподаватель как-то встрепенулся, начал согласно кивать, и, хоть студентка не промолвила больше ни слова (на перемене она признавалась, что хотела сказать ещё о «доминирующей роли», но не знала, куда вернуть), он поставил ей высшую оценку...

«Важно отметить», — начинает новый параграф учёная дама. Важно? — Отмечай!

Не станет квалифицированное водопроводчик, если каждое действие будет предварять обращением к самому себе: «Необходимо сменить муфту». «Следует поменять жировик». «Представляется весьма важным установление новой прокладки». Любой профессионал выполняет работу, не заключая с собой нечто вроде «протокола о намерениях» через каждую фразу. «Важно отметить, что внутренний мир и самостоятельная активность начинают играть определяющую роль в юношеском возрасте», — вновь слышится безапелляционно-дидактический голос. Но в русском языке существует принцип краткости, в соответствии с которым любое слово и сочетание, не имеющее смысла (то есть словоблудие), должно устраняться. «Словами-паразитами» именно по этой причине были названы в своё время прописавшиеся в устной речи «так сказать», «как говорится», разного рода «ну», «таким образом», «итак», когда они ровно ничего не соединяли не обобщали, не итожили. Сегодня в этот ряд включились «короче», «типа того», «в натуре», в научных текстах успешно дополняемые разного рода вводными и вставными конструкциями, начисто лишёнными смысла.

Научный язык — один из пяти функциональных языковых стилей, определяющих наше речевое поведение; явление это находится в литературных рамках современного русского языка и его нормативной системы. За пределами нормы оказывается так называемое просторечие; явления, характеризующиеся в качестве просторечных, — показатель безграмотности и бескультуры человека, в чьей речи они встречаются. Помимо очевидных слов-паразитов, лишённых какого-либо информативного или экспрессивного смысла, просторечным можно считать авторское «мы» от имени одного автора; настойчиво повторяемое «данный» вместо указательных «этот», «тот»; совершенно бессмысленное «также» в начале предложения,

обнаруживающее страстный и безуспешный поиск автором мысли и точного слова при полном их отсутствии.

Кстати, «мы» диссертанта действительно оправдано соавторством с научным руководителем: «мы ставили эксперимент», «мы интерпретировали результаты», даже «мы пришли к заключению». Когда же будущий кандидат наук прямо в аудитории, где проходит защита, отвечает на вопрос: «Мы считаем», «мы согласны», «мы благодарим...», — здесь недалеко и до устрашающего, но, увы, прозвучавшего: «*наши дети*», — что довольно своеобразно характеризует работу соавтора. Но апофеозом, имеющим обоснование разве что в «Трёх богатырях», звучит: «*Мы хотели бы поблагодарить научного руководителя*». Авторское «мы»? Раздвоение личности?

Педагогическая молодость плавно перетекает в педагогическую же зрелость. Академик, текст которого пересыпан ошибками, узнав об этом, искренне и наивно жалуется на плохую работу корректора, другой считает себя корифеем, потому что научился выговаривать «*педагогическое*», «*компетентный*», а главное — к зависти тех, кто так и не стал мэтром, — обучение, традиционно плутающее в дебрях «учёбы», назвал «*научением*».

Кстати, об «учёбе». В.И. Даль титуловал это слово «воронежским», и «новгородским», «и «курским»; Фёдор Гладков, в словах не особенно разборчивый, тут прямо и кратко припечатал: «Нелитературное». Л.Я. Боровой, знаток языковых норм и традиций, резюмирует: «Учёба» стала уже жаргонизмом — и архаизмом». Но там, где всерьёз рассуждают о «*наличии эскалации антропологической катастрофы*», о «*высоком уровне формулировки (вместо «формулирования») целей и задач*», приходя к «*снижению детей-беспризорников*», — там всякий передел — это прежде всего языковой беспредел, а всякое следование такой речи — «*нетрадиционная языковая ориентация*».

Слово — от Бога? Ерунда: в педагогике его сотворить — пара пустяков; и не важно, что при этом изуродовал уже существующее; главное — создал своё! Например, влить дефис в «социально успешное», возвести многоэтажную нелепость вроде «*биопсихосоциального*», внедрить «*самые оптимальные*» и «*наиболее приоритетные*». А там и до «*компетентного*» рукой подать. И — оознать себя богом, создавшим слово. Не так важно, что из слова этого и колос не прорастёт, и мир не окажется понятнее. «*Я ощущаю себя богом*», — изрёк, сидя на ночном горшке, древнеримский император. На чём восседали творцы новых «педагогизмов»?

В монологе будущего учёного о крестьянской школе упоминается «*идея противопоставления злу насилием Толстого*», отмечается «*злоупотребление полномочиями педагогическими сотрудниками*», а это приводит к тому, что «*представления о ценности профессии определяют стратегии построения жизни*». Во всех цитированных фразах неясно: кто что делает, что кому присуще, и вообще — о чём это? «*Счастье укрепляет здоровье*»? «*Локомотив победил Спартак*»? Но учёный со стажем вспоминает в монографии (и не без восторга скрытого мазохиста!) о «*собственноручном изучении детей*», в то время как другой открывает «*методику прямого контакта с детьми*», а третий, словно подводя итог, замечает: «*Это вытекает из неповторимости нервной системы, то могло бы показаться, что на этот вопрос ответить просто*». (Оригинал тщательно сохранён.)

И пока французские феминистки собирают подписи против деления на «мадам» и «мадемуазель», вопреки единообразно-маскулинному «месье», — у нас, не особенно заботясь о разных там подтекстах, сообщают на всю страну: «*Стандарты жизни постепенно улучшаются*», и даже «*Первостепенной важности является*

проблема придания русскому языку особого статуса». Терпимость к языковому беспределу тех, кто считает себя учёными, — **национальное предательство, намного опаснее самого радикального национализма, ибо уничтожает нацию её же собственными силами, уничтожает без альтернатив и без остатка.**

И сегодня время уже не умиляться бурному потоку дебилизированного языковым (речевым) беспределом «научного творчества», — а понять, что этот поток разрушает и науку, и сам народ. В годину, когда на горле нации всё сильнее и ожесточённее сжимаются тиски реформ, пропахших купюрами, — учёные, словно в оправдание клейма «образовательные услуги», заняты изобретением пустопорожних тем исследований, несуществующих слов и проставлением немислимых «лично-ориентированных» знаков в нетрадиционно ориентированную педагогику... Ущербность её, этой «самой весёлой науки» (В.А. Сухомлинский) — в презрении к языку, на котором она говорит, и к народу, сделавшему язык основой своей культуры и своего государства.

Гибель человека — это гибель речи, изобилующей ошибками как показателем безмыслия. Гибель народа — это гибель языка; не случайно «язык» и «народ» в исторической рассматривались как абсолютное тождество. «Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой / И назовёт меня всяк сущий в ней язык...» И что, как не помощь в уничтожении целого народа, — околонуточные, выписываемые со старательностью тирады о «студентах неосознающих ведущую карьерную ориентацию» (написано именно так, с двумя грубейшими ошибками в одной строчке, не говоря уже о стиле!), о том, что целью «является выявить особенности». Наконец, признание: «В то же время, ребёнок общается с гораздо более разнообразным социумом, и его отношения значительно богаче, чем он получает в группе дошкольного учреждения!» Всё ясно? Отношения — ребёнка? Социума? С кем? Что и от кого он получает в группе? А вы знаете, что является «наиболее ёмким определением личностного самоопределения»? Поймёте, прочитав про «межличностные отношения с окружающими», с кем ещё такие отношения могут быть? А чувствуете, коли «в то же время» «интегрированы

так же показатели рефлексивности», «а так же приоритетные карьерные ориентации», — что личность «является ничем иным как согласованием стереотипов поведения», «основанным на мотивах, неосознаваемых человеком»?²

Дама-учёный серьёзно рассуждает о «понимании характера влияния фактора школьной успешности», другая — о «движении к построению отвечающего вызовам времени вариативного образования». Из последующих силлогизмов обеих можно лишь утвердиться в мысли, что распад личности тоже начинается с беспредела, который эта личность (или уже индивид?) творит с языком. В обществах, прокладывавших путь к культурно-цивилизационному становлению, элиту нации, выделяющую мысль из хаоса безмыслия, составляли учёные. Как и любая область человеческой деятельности, наука являет себя в языке; когда же в нём — беспредел, сродни тюремному, то в обществе может быть не становление, а только хаос, передел, и наш великий русский язык уже не имеет сил сопротивляться «научно-педагогическим» пощёчинам и тумакам, раздаваемым в подражание культовым героям эпохи блатного сленга и олигархического беспредела...

Не предпринимая попытки классифицировать речевое безобразие нынешней педагогики по характеру ошибок, их причинам и психологическим предпосылкам, — утверждаю, что педагогический передел как языковой беспредел, — плоть от плоти творящегося вокруг. В нём, творящемся, — попытка называть грабителей элитой, преступление — законом, а очевидное разрушение языка, ведущее к исчезновению целого народа, — наукой, «достойной присуждения» и «соответствующей требованиям». Наука, накрепко усвоившая принцип толерантности по отношению к творящемуся речевому безумию,

убеждает в необходимости быть терпимыми к её неизбежному крушению.

Оглядываться — бесполезно. Считать ошибки — тоже. Их делают не потому, что «корректор пропустил», а потому, что безграмотность и одичание, возводимые в культ всеми возможными средствами, затронули и педагогическую элиту. Ошибки и несуразности, заполнившие страницы педагогических трудов, — словно победный рапорт о следовании по намеченному кем-то пути к пропасти. И нет времени вспомнить, что **ошибка в науке — больше чем ошибка**, ибо не только отражает безграмотность допустившего её, но и программирует на неё других, сохранивших веру в авторитет учёной мантии. А значит, и **языковая норма в науке — больше чем норма: она обязана оставаться столь же незыблемой, как статья закона**, как факт — основа научного аргумента. Нет и не может быть «языка педагогики», изобретающего свои слова и свои правила их употребления. **Есть русский язык.** И только! Педагогический языковой беспредел — профессиональное и моральное преступление против науки, учителя и детей.

Это глумление над наукой — называть ошибки «языком науки», а придуманные наспех неуклюжие слова, напоминающие уродливые пломбы на вполне здоровых зубах, — открытиями, а откровенных неучей, эти открытия совершающих, — кандидатами и докторами педагогических наук. Незыблема истина: **учёный не умеет говорить и писать с ошибками, потому что он — лицо нации, отражающееся в зеркале языка.** Когда же в этом зеркале появляется только непроизносимое и непечальное, «умом непостежимо», — на зеркало, нечего и пенять... **НО**

ЮРИДИЧЕСКИЕ КОНСУЛЬТАЦИИ

? Какие нормативные документы регламентируют работу логопеда в дошкольном образовательном учреждении? Какое количество детей должно приходиться на одну ставку логопеда? Е.М.

Учебные группы для детей с ограниченными возможностями здоровья в образовательных учреждениях формируются на основании Постановления Правительства РФ от 12.03.1997 № 288 «Об утверждении типового положения о специальном (коррекционном) образовательном учреждении для обучающихся, воспитанников с отклонениями в развитии». Так, группы для детей, имеющих нарушения опорно-двигательного аппарата, не должны быть больше 10 человек. В Письме Минобрнауки РФ от 04.09.1997 № 48 «О специфике деятельности специальных (коррекционных) образовательных учреждений I–VIII видов» отмечено, что воспитанники, имеющие речевые нарушения, получают логопедическую помощь на специально организуемых логопедических занятиях (индивидуально или в группе из 2–4 человек).

В Письме Минпроса СССР от 02.09.1974 № 76-М «Об утверждении типового положения о дошкольных учреждениях для умственно отсталых детей (для детей с нарушением интеллекта) указывалось, что наполняемость всех дошкольных групп в дошкольных учреждениях для умственно отсталых детей, независимо от степени нарушения интеллекта, — 10–12 человек.

Обязательных нормативов по установлению ставок работников в соответствии с количеством детей законодательством об образовании не определено. Количество ставок определяется учреждением самостоятельно в соответствии с ГОС общего образования и в соответствии с организационными и финансовыми возможностями образовательного учреждения.

Введение должности зависит только от воли самого образовательного учреждения (ст. 32 Закона РФ «Об образовании»).

? Как может быть составлен график работы педагога дополнительного образования в детском саду? Входят ли в 18 часов работы с детьми индивидуальные и подгрупповые занятия? Указывается ли в графике работа с документацией, подготовка к занятиям и работа с родителями?

Юлия Васильевна

Графики работы составляются на основании локальных актов организации. Примерные виды работ, которые может выполнять педагог указаны в Приказе Минобрнауки РФ от 27.03.2006 № 69 «Об особенностях режима рабочего времени и времени отдыха педагогических и других работников образовательных учреждений».